

ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Е. Асонова

ЧЕТЫРЕ ОТКРЫТКИ О РЕВОЛЮЦИИ

Моя рубрика «Детские книги в круге чтения взрослых» этого номера — это четыре открытки с заданиями к современным детским и подростковым книгам, которые могут использовать учителя-словесники, историки, библиотекари, чтобы «учить читать» книги: видеть в них не только мастерски рассказанную жизненную историю, но и интересные образы, культурные пересечения, свободно ориентироваться в читательском пространстве, уметь высказываться о полученном эстетическом впечатлении, о заинтересовавшей проблеме. Материал посвящен произведениям, условно объединенным темой «Революция», к ним даны методические комментарии: описания заданий, идеи того, как эти тексты могут быть использованы на уроках или занятиях с подростками.

Задача найти современные произведения для детей, которые бы вписались в тему «100-летний юбилей Октябрьской революции» практически не имеет решения — таких книг в последнее время написано просто не было. Однако совсем не так думают подростки. На вопрос о том, что они читали о революции, читатели 11–16 лет предлагают довольно интересный список. И оказывается, что для понимания одной революции, можно читать ... о другой, а можно и о выдуманной. Но подросткам интереснее всего читать о том, что я для себя охарактеризовала как «революционная ситуация» в жанре “young adult” (именно так называют знающие читатели модный в молодежной среде жанр антиутопии). Среди названных книг юными читателями были выбраны — «Голодные игры» С. Коллинз и «Зимняя битва» Ж.-К. Мурлева. От себя я добавила выбранную взрослыми читателями «Революцию» Д. Доннелли и найденную совершенно случайно для этого очерка повесть Л. Румарчук «Зеленый велосипед на зеленой лужайке»¹.

ОТКРЫТКА 1. РЕВОЛЮЦИЯ

Начну с американской повести Дженнифер Доннелли с звучным названием «Революция», которая могла бы быть включена в эту статью, если бы мы были готовы к учебному разговору не только об Октябрьской революции, но и о понятии революции в истории вообще. Знаю, что отечественная образовательная традиция пока не предполагает такого тематического (а не хронологического) подхода: каждой революции — свое место в учебной программе. Повесть имеет предуведомление: *«Эта книга — художественный вымысел. Все события и диалоги, а также герои, за исключением известных исторических и публичных персонажей, — плоды воображения автора»*. Собственно, о Французской революции, которая дала название повести, узнать по тексту произведения вряд ли что-то получится. Это остросюжетная, замешанная на психологии, музыке, трагедии молодежная повесть, в которой читатель может быть захвачен практически детективным сюжетом, развивающимся в двух временных пластах — в настоящее время и в эпоху революции. С удовольствием эту повесть читают лет с двенадцати. Но композиция издания кое-что проясняет, а именно небольшой, но очень солидный сопроводительный материал в конце книги: «Об источниках», представляющий собой комментарии автора о том, как и с какими материалами она работала, когда писала художественное произведение: это и исторические документы, и поэма Данте Алигьери, и книги по истории, и материалы о музыке. Далее следует «Библиография» — список из 44 позиций, оформленных строго по ГОСТу, потом «Источники в интернете», а потом еще и список музыкальных композиций, которые слушают или исполняют герои книги. И, пожалуй, я рискну предложить это издание как пример современного исторического романа: с этой книгой стоит познакомиться с точки зрения того, из какого материала может быть рожден «исторический вымысел», какую работу предстоит проделать писателю, если он берется за такой жанр. Такая концепция книги может стать самостоятельным творческим заданием, например, в 9 классе можно предложить написать собственный «замысел» и сопроводительный материал для создания повести или романа об Октябрьской революции 1917 г.

ОТКРЫТКА 2. ПОЧЕМУ ПОДРОСТКИ ВЫХОДЯТ НА ПЛОЩАДЬ? — ПОТОМУ ЧТО СМОТРЯТ «ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»

Как оказалось, они их не только смотрят, но и читают. В одном из сезонов читательского конкурса «Книжный эксперт XXI века»² эта антиутопия заняла лидирующие позиции в топе произведений, выбранных для создания отзыва. Второй раз книга обратила на себя внимание, когда на вопрос о том, какие книги о революции читают дети, в числе других антиутопий была названа и она тоже. Причем ее подростки называли гораздо чаще других. Не буду судить о том, какое впечатление производит фильм, а книга (речь идет о первой части трилогии «Голодные игры») показалась очень похожей на пособие для будущего революционера. Тут и школа выживания, и воспитание поколения, готового к сопротивлению, и динамика взросления героини, которая вдруг осознает себя способной победить. Опасная получается книга. Но ее нет в школьной программе, а потому запретить, ограничить ее чтение (или просмотр фильма) взрослые не в силах. И, на мой методический взгляд, ее можно активно использовать для решения учебных задач (6–9 класс).

Для уроков английского языка или для уроков литературы, на которых есть место для изучения произведений американской литературы, будет продуктивным обращение к такому важному для культуры XX и XXI вв. понятию, как интертекст. «Голодные игры» — прекрасный пример массовой литературы, которая создана даже не на основе, а в условиях глобального культурного контекста, когда получившееся произведение гораздо богаче на реминисценции из произведений разных культур и эпох, чем авторский замысел или потребность их расшифровать у большинства читателей.

На мой взгляд, антиутопия «Голодные игры» — хороший материал для самостоятельных исследовательских работ об интертекстуальности в литературе, тренажер для тренировки умений работать с текстом, сравнивать его с уже прочитанными. И чтобы показать, что это возможно, приведу лишь два примера источников, которыми могут воспользоваться ученики: в статье в Википедии о «Голодных играх» сообщается, что «в предисловии к первому роману Сьюзен Коллинз раскрывает несколько причин к созданию сюжета «Голодных игр». Во-первых, она упоминает древнегреческий миф о Тесее и Минотавре <...> и также ссылается на гладиаторские бои в древнем Риме». В статье приведены ссылки на статьи о мифах и гладиаторских боях, то есть собрать материал будет не сложно. В критериях

оценки такой самостоятельной работы можно обозначить, что материалы из Википедии оцениваются как зачет, если ... (далее учитель обозначает посильные для слабых учеников класса требования к защите найденного материала). Работа непосредственно с текстом предисловия романа может оцениваться иначе, так как показывает самостоятельность читателя: он понимает, что предисловие автора — это один из значимых компонентов произведения. Такая работа предполагает самостоятельный поиск информации об упоминаемых в Предисловии источниках, интерпретация которых может отличаться от той, что предложена в Википедии.

В качестве второго примера работы с аллюзиями расскажу о собственном читательском наблюдении, которое казалось мне более чем очевидным, однако служит примером того, как общий культурный контекст может влиять на автора, но не осознаваться им. Мотив сойки-пересмешницы мною был сразу опознан как отсылка к повести Харпер Ли «Убить пересмешника»: это и борьба за справедливость, и образ отца, который становится для героини источником не только знаний, но и свободного, отличного от принятого среди окружающих, отношения к миру. Однако в высказываниях Коллинз эта связь никак не обозначена, да и для массового читателя — подростка она не становится явной. Хотя бы потому, что, при всей популярности повести «Убить пересмешника», она не является сейчас актуальным подростковым чтением.

Не менее очевидным и тем более интересным для подростка может стать открытие, на какое произведение похож финал битвы «Голодных игр» (попытка совместного самоубийства влюбленных героев отсылает читателя к известному подросткам сюжету трагедии Шекспира).

Интересной для самостоятельных эссе или обсуждения в классе может стать одна из ключевых тем повести — знание как жизненная необходимость. Выживание Китнисс обусловлено ее знаниями о природе, людях, самой себе, умениями охотиться, договариваться, держать себя в руках и т. п. В первой части произведения Китнисс не раз описывает свое отношение к знаниям (ненужным школьным, полезным — полученным от Гейла), делающим ее сильнее, неуязвимее и ценящиеся ею поэтому гораздо выше вещей или пищи. Сведения о лекарственных травах, съедобных ягодах, повадках животных, способах охоты трактуются как сила, которая может быть противопоставлена бесправию, обреченности. Для Китнисс знания — это ключ к свободе. Сначала знания отца и матери конвертируются ею

в возможность выжить и быть чуть независимей, чем другие. Позже, по время турнира, знания оказываются главной разыгрываемой картой — Китнисс. Она оказывается сильнее не только соперников, но и устроителей игр, переиграв их на их же поле — она смогла развернуть сюжет игры в свою пользу. Для читателя, который уже привык к тому, что в антиутопии последовательно раскрывается ценность знаний по биологии, медицине, химии, естественным продолжением становится идея о том, что победу и спасение Китнисс и ее напарнику приносит верное понимание законов шоу. Иными словами, победит тот, кто может повернуть сюжет в свою сторону, что можно интерпретировать и как умение выстраивать сюжет шоу (им обладает ментор главной героини Хеймитч Эбернети), которые, как мне кажется приравниваются автором антиутопии к политехнологии. Управление государством — это умение видеть и создавать сюжет, который увлечет публику. С натяжкой, но эту мысль можно интерпретировать как ценность знаний, получаемых на уроках литературы. Заманчивый и непростой вывод о том, какую роль может сыграть школьный урок в подготовке будущего революционера.

ОТКРЫТКА 3. ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

Если «Голодные игры» для учителя — это скорее попытка идти в некотором смысле вслед за интересами школьников, то «Зимняя битва» Жана Клода Мурлева — это шаг в сторону современной детской литературы, которую читают немногие. Эта сказка-антиутопия написана несколько сложнее, она минорнее, чем «Голодные игры», в чем-то мрачнее. Перед нами опять протест молодых, готовых на жертвы ради продолжения борьбы за свободу, которую проиграли их родители. Символика сказки может выступить хорошим материалом для самостоятельного эссе. Основной темой произведения я бы назвала тему чести и достоинства, а потому предлагаю ее в качестве своеобразной рифмы для чтения после или до повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Основной проблемой революционного протеста автор видит необходимость принять решение, которое поставит под удар других людей. Героинка протеста представлена у Мурлева как то, что дается, увы, слишком дорогой ценой. Пожалуй, это то, что сильнее всего «цепляет» читателей — обреченность одних быть наказанными за побег других, гибель полюбившихся героев. И эта тональность, мне кажется, наиболее верной, точной в произведении

для подростков о протесте и революции. Романтика борьбы, стремление к свободе и справедливости не должны и не могут сопровождаться романтизацией гибели или страданий. Этим «Зимняя битва» принципиально отличается от привычных романтических произведений на ту же тему — потеря горька, скорбь о погибшем никак не уменьшится от того, что цель достигнута.

ОТКРЫТКА 4. К 7 НОЯБРЯ

Что можно рассказать об Октябрьской революции современным детям? О революционном настроении, на мой взгляд, точнее всего детям рассказывала сказка Юрия Олеши «Три толстяка», а о классовой ненависти, которая приводит к таким настроениям (в современной формулировке «разжигает рознь и ненависть к...») лучше всего написал Самуил Маршак в «Мистере Твистере». Но эта точность верна для тех, кому революция казалась верным решением, а пафос «до основания мы разрушим, а затем...» был не просто приемлемым, но и вдохновляющим. В этой тональности разумному взрослому сложно говорить о революции с современным подростком: чем отличается мистер Твистер от современных российских миллионеров? Почему современным власть имущим позволено быть «тремя толстяками»? И самый сложный вопрос: а как сейчас «правильно» относиться к тому, что произошло 100 лет тому назад? Как относиться к тому, что явилось следствием революции? Недавно в издательстве «Самокат» были переизданы рассказы-очерки о детстве Ларисы Румарчук «Зеленый велосипед на зеленой лужайке», один из которых начинается словами:

— Ты родилась перед рассветом, — сказала мне мама, — в ночь на Седьмое ноября, в самый канун праздника. И наш дедушка предложил назвать тебя Октябриной [Румарчук 2017, с. 41].

Этот десятистраничный рассказ «Ночь моего рождения» можно разделить на очерк о дедушке, который готов был правнучку, родившуюся в канун великого праздника «*воспитывать в революционных традициях*» и назвать Октябриной [Румарчук 2017, с. 41] и на лирическую зарисовку, посвященную ночным переживаниям самой героини в день ее рождения. Первая часть повести интересна тем, что в ней сталкиваются два нарратива: героини-повествовательницы и ее мамы. Речь мамы, как видно из приведенной цитаты, начинает рассказ и может оказаться препятствием для читателя, так как ее границы никак в тексте не обозначены. Машины слова растянуты

на несколько абзацев и легко могут быть восприняты как повествование основного нарратора. Или, наоборот, описание прадеда может быть понято как продолжение материнской истории. Но это лишь предупреждение к тому, почему этот рассказ мне кажется уместным в материале о детской литературе, тематически связанной с юбилеем Октябрьской революции. В небольшом тексте соединились три позиции, так или иначе отражающие отношение героев к празднику Седьмого ноября: для деда-революционера, каторжанина — это его история, его вера, его традиции. Для матери — это обыденность, календарная дата, рядом с которой день рождения дочери ей кажется гораздо важнее. Об этом мы знаем по первой части. Вторая часть предлагает читателю описание одного конкретного дня из жизни героини, для которой Седьмое ноября — это совершенно особый день: *«Наверное, дедушка был прав: во мне все-таки живет частица Октябрины. Да и как же иначе! Родиться накануне такого дня, соединить в себе два праздника — и всенародный, и свой личный — не каждому такое везенье. Смотреть не цветные огоньки, на летящие по ветру флаги, на воздушные шары, рвущиеся в холодное, ясное сапфировое небо, и думать втайне, что это для тебя, ради тебя, в честь тебя...»* [Румарчук 2017, с. 46]. Этот пассаж можно предложить как тему сочинения о том, что такое история для конкретного человека. Отмечу особо, что очень эмоциональное описание праздничного (и потом ночного города, рассветного солнца, переживаний героини) достойно того, чтобы работать с ним на уроке русского языка как с образцом такого типа текстов-описаний.

Тема революции обсуждалась в этом году много, на разных площадках и в разных ракурсах. Свою лепту в обсуждение этой темы внес и семинар «Детские книги в кругу чтения взрослых»: говорили о переизданиях книг, описывающих Октябрьскую социалистическую революцию, говорили о том, как она могла бы быть представлена в современной книге. И, конечно, размышляли, почему таких книг практически нет. Попробую сформулировать, в чем, на мой взгляд, причина отсутствия таких исторических произведений для детей и подростков сегодня. Развитие этой темы может произойти в следующих направлениях: создание сюжетов об исторических личностях — динамичных, острых, захватывающих, реалистических или сказочных, эксплуатирующих известность имени, возможность создавать вокруг него легенды и бытовые сюжеты. Например, сказки о Троцком или сериал о неуловимых. Такой традиции в нашей стране

пока не сложилось. Или создание научно-популярных произведений, подобных книгам о философах из переводной серии «Платон и Ко» издательства «Ад Маргинем», рассказывающих коротко и понятно о той или иной исторической фигуре или теории. Но в ситуации с революцией 1917 г. трудно создать что-то беспристрастно, так как сначала должна быть дана оценка произошедшему. Попытки издавать такие книги есть у издательств «Арт Волхонка», «Пешком в историю» и др. И я думаю, что постепенно эта ниша стараниями российских историков и художников-комиксистов будет заполнена. Ну и самые долгожданные книги — это повести, романы для подростков, юношества, которые позволят эмоционально пережить время переломов, больших трагедий нашей истории. Популярность такого рода произведений подтверждается любовью молодых читателей к произведениям Ремарка и Булгакова. Однако появление такой литературы затруднено отсутствием хоть какой-то общей оценочной позиции, разделяемой обществом. Условного ответа на вопрос: кто победил? Для сравнения приведу в пример современную литературу о Второй мировой войне: победа в этой войне является абсолютной, признаваемой всеми ценностью. По отношению к гражданской войне, к Первой мировой и уж тем более к революции 1917 г. такой оценки нет.

Примечания

¹ Это произведение вошло в обзор как новое издание, а не произведение современной литературы. Впервые сборник «Зеленый велосипед на зеленой лужайке» был опубликован в 1979 г. в книге Ларисы Румарчук «Единственное лето» в издательстве «Советский писатель».

² Материалы трех сезонов этого конкурса можно посмотреть на сайте «Папмамбук» URL: <http://www.papmambook.ru>

Источники

Доннелли Д. Революция. М.: Розовый жираф: 4-я улица, 2014. 400 с. Пер. с англ. Марии Салтыковой.

Коллинз С. Голодные игры. М.: АСТ, 2017. 352 с. Пер. с англ. А. Шипулина.

Мурлева Ж.-К. Зимняя битва. М.: Самокат, 2007, 518 с. Пер. с фр. Наталии Шаховой.

Румарчук Л. Зеленый велосипед на зеленой лужайке / Л. Румарчук; илл. Марии Бойновой. М.: Самокат, 2017. 288 с.